

В. Н. ЕРОХИН

Нижневартровский педагогический институт

**СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПУРИТАНИЗМА
НА ТЕРРИТОРИИ АНГЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–НАЧАЛЕ XVII ВЕКОВ**

Изучение распространения пуританизма по территории Англии позволяет глубже проанализировать и понять то, как происходило его укоренение в английской культуре. Для второй половины XX в. характерно расширение региональных исследований в церковной истории Англии, стали активнее разбираться документы епархиальных архивов. Как отметил в 1983 году У. Хант, «в прошедшие тридцать лет местная история перестала быть сферой деятельности эксцентричных викариев и превратилась в значительный раздел английской историографии»¹. Можно с уверенностью сказать, что исследования на местном уровне будут продолжаться и в последующие десятилетия. Переход с макроуровня, с национального масштаба рассмотрения событий на местный уровень способен еще в большей степени придать изучению исторического процесса человеческое измерение.

Наиболее заметными работами, исследующими состояние религиозности и распространение пуританизма на уровне графств и епархий, среди изданных в последние десятилетия стали монографии М. Спаффорд о Кембриджшире¹, М. Джеймса о Дареме², П. Кларка о Кенте³, У. Шейлза о Норгемптоншире⁴, К. Хейга о Ланкашире⁵, Р. К. Ричардсона о Честерской епархии⁶, Р. Мэннинга о Суссексе⁷, Р. Маршанта о Йоркшире⁸. Обзор ситуации по регионам предпринимался и в обобщающих монографиях.

Районом наибольшего распространения пуританизма, вне всякого сомнения, была Восточная Англия – самая густонаселенная, экономически развитая и подверженная идейным влияниям с европейского континента часть стра-

Владимир Николаевич Ерохин, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижневартовского ГПИ, специалист по англо-американской историографии раннего нового времени, автор монографии.

¹ Hunt W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. Cambridge (Mass.) – London, 1983. P. IX.

² Spufford M. Contrasting Communities: English Villagers in the 16th and 17th Centuries. Cambridge, 1974.

³ James M. E. Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500–1640. Oxford, 1974.

⁴ Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500–1640. Hassocks, 1977.

⁵ Sheils W. J. The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558–1610. Northamptonshire Record Society, 1979.

⁶ Haigh Ch. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. Cambridge, 1975.

⁷ Richardson R. C. Puritanism in North–West England: A Regional Study of Chester to 1642. Manchester, 1972.

⁸ Manning R. B. Religion and Society in Elizabethan Sussex. A Study of the Enforcement of the Religious Settlement, 1558–1603. Leicester, 1969.

ны. Здесь находился Кембридж – академический центр пуританского движения, а также такой крупный город, как Норвич, второй по размерам в стране, игравший большую роль в торговле, внешних контактах. Здесь же, в долине реки Стаур, находился Дедгэм – центр лучше всего изученного «класса» (так назывались создававшиеся пуритански настроенными священниками совещательные органы, обсуждавшие возможности дальнейших реформ в англиканской церкви).

Как отмечает Э. Роуз, ярмарка в Стаурбридже в 80-е гг. XVI в. использовалась для ежегодных встреч пуритан⁹. Важным центром пуританизма тут был и город Бери Сент Эдмундс, здесь действовало лекторство, которое содержали местные пуритане, они боролись за его существование с церковными властями¹⁰. Симпатизировавшие пуританам городские власти, бывало, игнорировали распоряжения посланцев епископа.

Многие исследователи обращают внимание на ситуацию в Норгемпtone в 1570–1572 гг. Тут установилась с согласия местных властей система управления церковными делами, напоминающая пресвитерианскую. Вдохновителем ее утверждения был пуританский священник Персиваль Уиберн. В службах использовался англиканский молитвенник, но церемонии и облачения, не устраивавшие пуритан, были опущены, использовался кальвинистский катехизис. Действовало лекторство, а самым решительным нововведением в женевском духе был порядок, когда по четвергам после лекции мэр, городской совет с помощью проповедника и людей, назначенных епископом, разбирали моральные проступки. Власти епархии Петерборо не вмешивались в происходящее¹¹. Такая ситуация в городе сохранялась недолго, пока не попала в поле зрения центральной власти. У. Шейлз описал, как в 1574 г. эта система в ходе первой попытки королевы ликвидировать «пророчества» была подавлена, а пять священников отстранены от должности¹². В целом же, в графстве Норгемптоншир ситуация была противоречивая. Среди джентри был распространен католицизм, в графстве жило семейство Трешемов – это были одни из самых известных в стране покровителей католиков. Известно и то, как активны были в Норгемптоншире «классы», так что графство представляло собой пример исключительной внутренней напряженности в религиозных делах¹³.

Характеризуя исследования о географическом распространении пуританизма, Х. Г. Александер замечает, что, хотя в недавнее время проделана значительная работа, все еще невозможно заранее предсказывать, где были наибольшие возможности для гарантированного распространения пуританизма. Это зависело от многих случайных факторов: позиции местного епископа, доминирующего в округе магната, даже один способный пуританский священник мог оказать большое влияние на местное население и способствовать его обращению¹⁴.

Удастся выявить и некоторые закономерности: пуританизм лучше укоренился в более крупных городах, в районах, где было распространено ткачество, в некоторых сплоченных коллективах – купеческих компаниях, на мор-

⁹ Marchant R. B. *The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560–1640*. London, 1960.

¹⁰ Rose E. *Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I*. Cambridge, 1975. P. 159.

¹¹ Ibid. P. 165–167.

¹² Ibid. P. 151–154.

¹³ *Continuity and Change. Personnel and Administration in the Church of England, 1500–1642*. Leicester University Press, 1976. P. 175

¹⁴ Rose E. *Op. cit.* P. 157.

ских судах. Известный пират Фрэнсис Дрейк, например, был знаком с Джоном Фоксом и во время кругосветного путешествия читал команде его книгу «Деяния и памятники церкви» о мучениках за протестантскую веру во времена Марии.

В характеристике социальных корней пуританизма английские и американские историки не высказывают однозначных суждений. Они считают, что эмпирические материалы не дают возможности дать исчерпывающее заключение о социальной природе пуританизма, лишь некоторые его черты, и то не сразу, стали отвечать интересам формирующейся буржуазии. Общепризнанным является лишь то, что приверженцы пуританизма были среди разных социальных групп: в среде знати, джентри, третьего сословия, квалифицированных ремесленников; для его восприятия был необходим определенный уровень образованности. Хуже всего поддавались влиянию пуританизма высшая знать, которой в большинстве своем чаще всего нет дела до религии как таковой, и низы общества, неграмотные, неквалифицированные ремесленники, последние чаще попадали под влияние сепаратизма¹⁵. Пресвитерианство было, главным образом, движением в среде духовенства, а в среде джентри, вообще светских лиц у него было немного сторонников.

Интересные материалы на примере епархии Петерборо о распространении здесь пуританизма собрал У. Шейлз. Он показал причины, приводившие к тому, что епископы могли оказаться не в состоянии контролировать епархиальное духовенство. В начале 1560-х гг. местный епископ Скэмблер из 301 прихода контролировал назначение только в четырех (!), в трети приходов право допуска священника (*advowson*) принадлежало короне, и тут были возможности также следить за тем, чтобы в священники не попал пуританин. Во все остальные приходы священников представляли по своему усмотрению светские патроны, в итоге епископа даже трудно было винить в том, что с кафедр зачастую звучало нечто совершенно противоположное официальной доктрине англиканской церкви. Если же происходили епископские визитации, священники избегали появляться перед визитационной комиссией, сторонники пуритан к тому же, бывало, заседали и в церковных судах. Пуританизм в силу ряда причин становился неискоренимым буквально никакими средствами¹⁶.

В местах, где было много католиков, например, в северной Йоркской провинции, на деятельность пуритан часто сквозь пальцы смотрели светские власти, и могли возникать шокирующие ситуации. Э. Эмерсон приводит запись из дневника жены сэра Томаса Хобса, члена Северного совета, относящуюся к апрелю 1604 г.: «Сегодня в нашей церкви впервые читали Книгу общих молитв (англиканский молитвенник 1559 г. – Авт.)»¹⁷ – и это после десятилетий преследований пуритан, никак не сказавшихся на этом приходе до того, как в 1604 г. архиепископом Кентерберийским стал Ричард Банкрофт, предпринявший широкомасштабное наступление на пуритан. Более того, местное население начинало привыкать к установившемуся варианту службы, проводимой пуританами с изменениями официального молитвенника, и еще начинало обвинять церковные власти, что они требуют каких-то новшеств.

Из вышедших в последние десятилетия региональных исследований обращают на себя внимание две работы, посвященные графству Эссекс: книга У. Ханга «Пуританский момент. Приход революции в английское графство»

¹⁵ Alexander H. G. Religion in England. London, 1968. P. 87; 16. Ibid. P. 88.

¹⁶ Ibid. P.87-88.

¹⁷ Continuity and Change. Personnel and Administration in the Church... P. 171.

(1983) и монография К. Райтсона и Д. Левина «Бедность и набожность в английской деревне. Терлинг, 1525–1700» (1979), принадлежащая к получающему популярность в западной историографии жанру изучения истории на уровне одного поселения. В Эссексе пуритане были очень активны, здесь действовали три «класса»: Дедгэм во главе с Эдмундом Чэпменом, Везерфилд во главе с Ричардом Роджерсом и Молдон во главе с Джорджем Джиффордом¹⁸. Пуритане предпочитали в этом графстве, пишет У. Хант, самоназвание «professors» (буквально «исповедующий религию»), они уделяли большое внимание проповеди, и Хант считает это наиболее характерным признаком пуританизма, поскольку местные пуритане, особенно если их не преследовали церковные власти, целенаправленной враждебности к епископальному церковному строю не проявляли. Влиятельные проповедники, которые могли воздействовать на прихожан, именовались «painful preachers» (painful – трудно переводимое в данном контексте адекватно слово, примерно «мучительный» в смысле «заставляющий задуматься»)¹⁹.

К. Райтсон и Д. Левин в своей работе проследили, как укоренялся в деревне пуританизм, и пришли к выводу, что сначала его восприняли представители верхних и средних слоев деревни, затем подверглись воздействию и низшие слои²⁰. При этом нет свидетельств, что на его восприятие и укоренение влияли родственные связи, восприятие было идейным. Эти исследователи подчеркнули и агрессивность пуританизма как культурного уклада, он повел со временем наступление на пивные, на моральные проступки, на традиционный уклад народной жизни и ее привычный ритм²¹. Интересную статью в 1979 г. опубликовал специалист по умеренному пуританизму и арминианству Н. Тиэк – «Пуританский менталитет в народе в позднеелизаветинской Англии»²². Содержание статьи соответствует уже заявленной в названии теме, и ставит автор себе задачу более ограниченную – исследовать появившиеся в конце XVI в. специфически пуританские имена. Это явление обратило на себя внимание, удивило и насторожило многих современников, когда появились имена типа «Господь близко» (The – Lord – is – near), Реформация (Reformation), Дисциплина (Discipline) и т. п. Налицо было вызревание радикальной протестантской контркультуры. Глубина намечавшегося переворота сказывалась даже на данной стороне жизни, сугубо личностной, потому она и является для исследователя показательной, информативной, дает представление о родителях, дававших своим детям такие имена. Н. Тиэк рассмотрел в своей статье предпринимавшиеся попытки изучения этого явления. По горячим следам пытался идти в конце XVI в. будущий архиепископ Кентерберийский Ричард Банкрофт, в XVIII в. об этом явлении писал Д. Юм. Материал для статьи Н. Тиэка составили главным образом приходские книги записей рождений. Автор установил, что присвоение таких имен было распространено в Суссексе и Кенте в 1580–1590-е гг. Главным инициатором присвоения таких имен, по его мнению, почти наверняка был Дадли Феннер, знакомый с Томасом Картрайтом и находившийся с ним в конце 1570-х гг. одновременно в Антверпене, а в начале 1580-х годов занимавший должность викария в приходе Крэнбрук, графство Кент. Здесь в марте 1583 г. он участвовал в присвоении имени Свыше

¹⁸ Emerson E. H. English Puritanism from John Hooper to John Milton. Durham (N. C.): Duke University Press, 1968. P. 41.

¹⁹ Hunt W. Op. cit. P. 96.

²⁰ Ibid. P. 93.

²¹ Wrightson K. Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525 – 1700. New York, 1979. P. 159, 161.

²² Ibid. P. 181, 184.

(From – Above) Хендли, сыну джентльмена, а в декабре 1583 года назвал родившуюся у него дочь Еще Плоды (More Fruit)²³.

Автор попытался картографировать приходы, где присваивали такие имена. Больше всего их оказалось в приходе Уорблтон (Суссекс), где между 1586 и 1596 г. пуританские имена получили 93 родившихся ребенка, 124 других новорожденных получили обычные английские имена. 42 семьи в приходе последовательно использовали только пуританские имена, 58 семей не использовали их, 19 давали и те, и другие имена²⁴. Н. Тиэк установил, что, кроме восточного Суссекса и Кента, такие имена были распространены вокруг Дейвентри в Норгемптоншире, и связано это было с пребыванием тут другого радикального пуританина, склонного к сепаратизму – Джона Пенри.

Присвоение таких имен сравнивалось с принятием нового имени при пострижении в монашество, пуритане тоже посвящали новорожденного Богу. Такие имена и их присвоение обсуждались в среде пуритан, но всеобщей поддержки это не получило. «Книга Дисциплины» Траверса, например, не рекомендовала использование таких имен, как полагает Тиэк, из-за присущего им сепаратистского оттенка.

Тиэк делает также вывод, что пуританские имена использовались только в сельских районах и никогда не были популярны ни в Лондоне, ни в каком другом крупном городе. Что касается времени использования, то они выходят из употребления после 1600 г.²⁵

Н. Тиэк попытался решить и еще одну важную задачу – установить какие-либо сведения об имущественном положении тех, кто давал своим детям пуританские имена. По материалам завещаний он делает вывод, что в денежном выражении пуритане были примерно в два раза богаче тех, кто давал обычные имена, но пуритане были хуже обеспечены землей. В грамотности не прослеживается никаких различий, ни одно из завещаний не упоминает книги. Пуритане обычно моложе по завещаниям и демонстрируют еще одну интересную особенность: они отрицательно относятся к повышенным процентам и их взиманию и вообще к тому, чтобы деньги давали прибыль любой ценой, и это расходится с нередко звучащим мнением в среде тех, кто специально не изучал пуритан, что они отражали интересы формирующейся буржуазии²⁶. Пуританские имена иногда давались в зависимости от обстановки в стране или обстоятельств личной жизни. Так, после разгрома Армады в 1588 г. распространилось имя *Deliverance* (Избавление); из трех незаконнорожденных, крещенных в приходе Уорблтон между 1589 и 1591 годами, один получил пуританское имя *Repent* (Раскаявшийся)²⁷. Постепенное исчезновение пуританских имен в 1590-е гг. отражает, по мнению автора, упадок пресвитерианского движения, направленного на изменение управления церковью. К тому же с 1597 г. все крещения, браки и смерти фиксировались в общем епархиальном списке, и присвоение пуританских имен сразу привлекало всеобщее внимание, а на это решался не каждый. Последнее присвоение пуританского имени в Суссексе зафиксировано в марте 1606 г., в приходе Исфилд так был назван *Deprived* (Лишенный) Уинсбери, и это, видимо, отражало судьбу лишенных приходов и отстраненных от должности пуританских священников.

²³ Tyacke N. Popular Puritan Mentality in Late Elizabethan England // The English Commonwealth, 1547 – 1640: Essays in Politics and Society Presented to Joel Hurstfield / Ed. by P. Clark, A. G. R. Smith and N. Tyacke. Leicester University Press, 1979. P. 77–92.

²⁴ Tyacke N. Op. cit. P. 80.

²⁵ Ibid. P. 82.

²⁶ Ibid. P. 83.

²⁷ Ibid. P. 89.

Делая выводы, автор высказывает мнение, что пуританские имена представляли собой крайнее выражение пуританизма, воспринятого в народе. Пуританская контркультура разделяла и семью, и существующую культурную общность, и, специально говорит автор, «определенно не была дружелюбной к экономическому индивидуализму. Если кто-то думал о жизни человека как о духовном паломничестве, материальные блага самим этим фактом приобретали второстепенное значение».

Статья Н. Тиэка принадлежит, пожалуй, к лучшим образцам анализа пуританизма в региональном варианте в современной британской историографии. Автору удается сочетать разбор эмпирического материала со значимыми общими выводами.

В целом знакомство с работами британских историков второй половины XX в., занимавшихся изучением пуританского движения, в том числе и вопросами о его региональном распространении, демонстрирует, что в данной предметной области преобладающие позиции занимают сторонники традиционного историзма. Исследования в сфере истории культуры и мировоззрения, рассматривающие нюансы взглядов пуританских священников и их сторонников в различных регионах Англии, по форме подачи материала представляют собой нарратив, дающий возможности в первую очередь для содержательного качественного анализа. Британские историки крайне осторожно относятся к возможности распространения выводов, полученных в изучении распространения пуританизма на материале одного региона, на другие районы страны и предпочитают применительно к этой сфере говорить не о каких-либо закономерностях, а об определенном рода коррелятивных взаимозависимостях, выделяя факторы, в принципе благоприятствующие распространению пуританизма, но подчеркивая, что они в реальности могли и не реализоваться. Например, из ряда проделанных исследований очевидно, что в большей степени к восприятию пуританских идей было предрасположено население городов, но очевидно и то, что были также города (и ведь они составляли большинство), где пуританизм не имел серьезного успеха. В современной британской историографии сохраняет исследовательское значение один из постулатов традиционного историзма: историку в первую очередь следует выявить, как обстояло дело в данном конкретном случае, а потом уже, если это возможно, строить какие – то более широкие предположения.

SUMMARY

The article of Dr. V. Yerokhin «The Contemporary British Historiography on the Regional Dissemination of Puritanism in England in the Second Half of the 16th century and at the Beginning of the 17th Century».

deals with one of important trends in the development of the contemporary British historiography of English Puritanism connected with the extension of regional studies. The fruitful results of these investigations enable the British historians to give a deep understanding of English Puritanism. Studies on the local level help to create a more identical image of English Puritanism. The monographs and articles of British historians dealt with in the article show the forms how Puritanism took roots in different shires of England. The article also shows that most of the British historians working in this field of historical research are adherents of traditional approaches to historical writing.